

В павильоне, пропитанном густым ароматом благовоний, клубился сизый дым. За тонкими занавесями мир казался зыбким и призрачным, словно в забытом сне.

— Кто здесь?

— Глава павильона, это я, Вэйян.

Услышав знакомый голос, человек на ложе нехотя перевернулся, издав едва слышный стон. Длинные черные волосы скользнули с его пояса и рассыпались по самому краю тахты.

— М-м-м...

Сознание возвращалось медленно. Тело казалось налитым свинцом, а в голове еще туманилась липкая усталость.

— Вам снова что-то снилось, — не спрашивая, а утверждая, проговорил Вэйян. Он аккуратно очищал курильницу от скопившегося за ночь пепла.

Сон? В памяти действительно сохранился след чего-то бесконечно долгого и томительного.

— Помните, что именно? — Вэйян откинул белые полога, закрепив их на крючках, и привычным жестом подал хозяину длинное верхнее платье.

Юй Цинъюнь поднялся. Одной рукой он придерживал рассыпавшиеся пряди, другой прикрыл рот, подавляя долгий зевок.

— Не особо. Кажется... — он слегка приподнял голову. Его лицо, белое, словно тончайший фарфор, хранило черты столь совершенные, что в них мужское начало причудливо мешалось с женским. В затуманенном взгляде читалась попытка ухватиться за ускользающие образы. — Кажется, там была какая-то Хуанъюнь...

Он задумчиво повторил это имя. «Девочка-феникс» — скорее всего, речь шла о ком-то из его собственного клана.

— Никогда не слышал такого имени, — отозвался Вэйян, раздвигая шторы.

Утреннее солнце ворвалось в комнату, мгновенно разогнав полумрак и сделав очертания предметов четкими.

— Глава павильона, не желаете, чтобы я разузнал об этом подробнее?

Едва слуга распахнул створки окна, как снаружи мелькнула фигура в серо-желтом одеянии. Вэйян на мгновение замер, но тут же вежливо поклонился незваному гостю.

— Повсюду травы дивные растут, но взор мой к той лишь тянется, что пред окном наводит красоту!

Нижнее платье Циньиня уже сползло с плеч, обнажая безупречно гладкую кожу. Услышав этот голос, Глава павильона помрачнел и резко обернулся.

— Симин, твои манеры оставляют желать лучшего.

Слагать столь бездарные вирши во всех Трех Мирах мог лишь один человек — Симин Синцзюнь.

— Так ведь Дуань-у скоро! — Симин оперся о подоконник и одним ловким прыжком очутился в комнате. — Юй-цзюнь, как поживаешь?

Визит небесного чиновника ничуть не смутил Циньиня. Он хладнокровно сбросил белье и, оставшись совершенно нагим, взял из рук Вэйяна чистые одежды и начал одеваться прямо на глазах у гостя.

— Неужто уже пятый месяц?

Фраза Симина «скоро Дуань-у» на человеческом языке означала лишь одно: «пора бы тебе угостить меня вином». Как бы витиевато ни выражался Симин, Юй Циньинь всегда видел скрытую за его словами жажду.

— Сегодня как раз первое число пятого месяца, — подтвердил Вэйян, подходя с гребнем из персикового дерева.

Хозяин понимающе опустил перед бронзовым зеркалом.

— Вот оно что.

Неудивительно, что почтенный Симин Синцзюнь явился в такую рань. Не иначе как пришел навестить «дикого феникса», затворничающего в горах Цишань, ради очередной порции выпивки.

Симин подошел ближе и небрежно прислонился к столу.

— Цин-Цин, давай так: ты мне вино, а я тебе — свежие сплетни из Небесных чертогов.

— Хм? — Цинъинь поймал его отражение в зеркале. — И какое мне до них дело?

Симин многозначительно прищурился:

— Тебе это будет очень полезно, поверь.

Обычно Симин не набивал себе цену ради пустых слов. Если он говорит, что информация важна — значит, она действительно касается Юй Цинъиня.

— Вэйян, приготовь сегодня вечером вино для Симины Синцзюня.

Дружба Юй Цинъиня с Симином была делом странным. Глава павильона помнил лишь то, что на второй день после своей Нирваны, когда он восстанавливал силы в Павильоне Юйсюань, к нему явился Симин. Едва гость переступил порог, Цинъинь почувствовал чужую ауру, но, лишенный памяти, не решился действовать. Когда же Симин дошел до внутреннего двора и увидел полуживого Цинъиня под деревом бодхи, лицо его исказилось от шока. Он выкрикнул имя хозяина, и хотя тот не помнил ни себя, ни его, Симины как-то удалось убедить феникса, что они — старые друзья, а не враги.

«Мы с тобой даже после твоего "забвения" сошлись так быстро, будто знакомы вечность», — любил повторять Симин, когда доверие между ними укрепилось. Цинъинь и сам чувствовал некую общность с этим божеством, но стоило ему заговорить о прошлом, как Симин тут же замолкал.

Симин Синцзюнь — один из Владык Южного Ковша, он правит судьбами всех сущих, а Да Симин и Шао Симин лишь помогают ему в этом нелегком труде.

«Симин, ты ведаешь нитями жизни. Как ты можешь не знать прошлого какого-то маленького феникса?» — спрашивал Цинъинь, глядя на его помрачневшее лицо.

«Цин-Цин, не заставляй меня нарушать запреты».

Пусть Симин и управлял судьбами, его власть не была безграничной. Божества, духи и демоны, рожденные раньше самого Симины, не подлежали его учету. А Юй Цинъинь был старше Симины. Владыка не знал ни его истинного возраста, ни происхождения. Он знал лишь, что Верховная богиня Нюйва когда-то знала это имя и приказала хранить его существование в строжайшей тайне.

К тому же сам «Наблюдатель» велел Цинъиню не копаться в прошлом.

«Оставь былое. Всё, что случилось раньше, больше не имеет значения. Теперь ты — Глава павильона Юй Цинъинь, и точка».

Но разве можно оставаться равнодушным, когда старые знакомые приходят один за другим?

Закат окрасил небо алым, поднялся резкий вечерний ветер.

Симин вел себя в Юйсюане так непринужденно, словно находился в собственном поместье. Он помыкал Вэйяном даже больше, чем сам хозяин. К счастью, паренек обладал ангельским терпением и безропотно сносил все прихоти гостя, вода его по комнатам, которые тот видел уже сотни раз.

Задний двор с бамбуковой рощей, заросли цветов, зовущих души у озера, засохшие сливовые деревья у ворот, дерево бодхи и монохория в центре двора... Симин разглядывал пейзаж с неизменным интересом, в то время как Юй Циньинь, проживший здесь век, давно к нему охладел.

Удивительно, как столь важный небожитель может позволять себе такую беспечность. Бросить дела на Девятых небесах и укатить на Континент Фэнлинь только ради того, чтобы выпросить вина у Циньиня. Стоило хозяину упрекнуть друга в прогулах, Симин лишь отмахивался: «Там есть Да Симин и Шао Симин, они со всем справятся».

Циньинь искренне сочувствовал этим двоим. Мог ли он сам найти себе помощников, чтобы хоть немного облегчить свою ношу?

Симин вернулся из прогулки по берегу Изумрудного озера, притащив из рощи охапку свежих побегов бамбука. Он бросил их на каменный стол:

— А где тот смертный, что так искусно жарит бамбук?

Юй Циньинь посмотрел на гору побегов и схватился за голову:

— Он, в отличие от тебя, делом занят.

— Жаль, я-то надеялся на достойную закуску.

— У Вэйяна руки не из того места растут, попробуй его стряпню.

Циньинь подозвал слугу и велел накрыть стол. Божество такого ранга не стоило злить — иначе на кого потом сваливать все свои мелкие грешки?

Когда Вэйян ушел, они остались одни.

— Ну, выкладывай. Что там на небесах стряслось, раз это касается меня?

Юй Цинъинь закрыл книгу с легендами смертных и разлил чай по чашкам.

— Да так, пустяки, — Симин сделал глоток и причмокнул. — Одна змеиная бессмертная по дуруости сбежала в мир людей и выскочила замуж за одного свободного бессмертного, из тех, что служат Вэньцзюй Синцзюню. Тем самым она сорвала его Преодоление невзгод и помешала вернуться в чертоги. Но беда не в этом. Глупая змейка умудрилась потерять свой Бессмертный корень — попалась на удочку какой-то нечисти. За дело взялся Эрлан Чжэньцзюнь. И знаешь что? Он почуял, что в этой истории кто-то подтасовал факты... Цин-Цин, ты же помнишь, как Небо относится к чувствам богов и самовольным спускам на землю? Кара за это сурова. А Эрлан Чжэньцзюнь, как известно, парень принципиальный.

У Цинъиня похолодело внутри. Чашка в его руке едва заметно дрогнула. Он слишком хорошо знал, чем заканчиваются такие истории. В его памяти, доставшейся вместе с титулом Главы павильона, хранились воспоминания о Третьей Святой Матери, которая родила сына от смертного и была жестоко наказана за это.

— Симин, я ведь не задолжал тебе ничего в последнее время? И вроде не выманивал у тебя никаких сокровищ?

— Ты обо мне такого низкого мнения? — Симин оскорбленно поставил чашку на стол.

«Честно говоря, ты в моих глазах никогда и не был образцом добродетели».

— Тогда объясни, как эта история со змеей касается меня?

— Ты воистину забывчив, — вздохнул Симин. — Повторяю: я — Симин, я ведаю жизнью каждого существа.

Цинъинь поморщился. Зачем постоянно это подчеркивать?

Вэйян, подошедший, чтобы подлить чаю, замялся и тихо спросил:

— Глава павильона, не вмешивались ли вы часом в дела какого-нибудь небожителя?

За те сто лет, что Цинъинь провел в павильоне, через него прошли десятки бессмертных. Кто их всех упомнит? Но раз скандал разразился сейчас, значит, сделка была заключена в последние лет десять-двадцать.

— Вэйян, принеси то бронзовое зеркало.

Неужели он действительно заключил сделку с какой-то бессмертной и напрочь об этом забыл?

— Где бы ты ни приложил руку, тебе не скрыть этого ни от меня, ни от... Управления призраков. Ты же знаешь, на что способен этот почтенный владыка. Цин-Цин, тебе пора стать осмотрительнее.

«Юймин Цзяочжу» — это Кшитигарбха, будда, достигший просветления. Юй Цинъинь прекрасно понимал, насколько тот опасен.

Сам Глава павильона был единственным «неправильным» существом в Подземном царстве Юймин. Он не был ни божеством при исполнении, ни призраком из подданных Ли Е. С Кшитигарбхой ему лучше было не встречаться вовсе — каждая их встреча заканчивалась взаимной неприязнью.

Цинъинь сжал фарфоровую чашку, глядя в пол:

— Если там Дитин, от него ничего не укроешь.

Раз Симин пришел лично, значит, Эрлан Чжэньцзюнь действительно взялся за дело всерьез. Если Эрлан Чжэньцзюнь докажет причастность Главы павильона, никакие связи Симины не помогут замять дело.

— В самом крайнем случае, не вздумай тревожить ни Эрлан Чжэньцзюня, ни того затворника из Подземного царства Юймин, — серьезно предупредил Симин, отбросив шуточный тон.

Цинъинь кивнул. Пока он не переходит границы, Кшитигарбха, скорее всего, ограничится ролью стороннего наблюдателя. В конце концов, Цинъинь однажды уже вломился к нему, нагло пытаясь «зайти с заднего входа» при помощи элитного чая и вина. Когда же на святого это не подействовало, феникс попытался пустить в ход свое очарование и в полурасстегнутых одеждах едва не запрыгнул Кшитигарбхе на колени... После чего посланники Фэнду Гуйди позорно выставили его вон.

Самый опасный противник — это само Небо.

От Эрлан Чжэньцзюня еще можно было откупиться, подставив Симины под удар, а потом задоблив его вином. Но если дело дойдет до Тяньди... тут Цинъинь бессилён. Вином его не возьмешь — у того целая свита богов-виноделов. Красотой тоже — Небесная Императрица только посмеется. В случае гнева Тяньди у Юй Цинъиня останется только один путь — на плаху.

Ради сбора Красных бобов взаимной тоски ему приходилось рисковать, но теперь нужно действовать тише. Нужно превратить большое дело в малое, а малое — в ничто.